

Нил
Гейман

Нил
Гейман

ОКЕАН В КОНЦЕ ДОРОГИ

АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
Г29

Neil Gaiman
THE OCEAN AT THE END OF THE LANE

Печатается с разрешения Writers House LLC
и литературного агентства Synopsis

Перевод с английского *Виталия Нуриева*

Оформление *Василия Половцева*

Гейман, Нил

Океан в конце дороги: [роман] / Нил Гейман; [пер. с англ. В. Нуриева] — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с.

Г29

ISBN 978-5-17-107504-0 (Мастера магического реализма)

ISBN 978-5-17-107505-7 (Эксклюзив Милленниум)

Захватывающая сказка-миф от знаменитого автора «Сыновей Ананси» и «Американских богов». Блестяще рассказанная история одинокого «книжного» мальчика, имени которого читатель так и не узнает, но в котором безошибочно угадываются черты самого Нила Геймана.

Прогулка по фермам Сассекса приводит героя к дому древних богов, играющих в людей, и с этой минуты ткань привычного мира рвется и выворачивается наизнанку, а в прореху пролезают существа иномирья — такие странные и страшные, что о них невозможно помыслить.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-107504-0
(Мастера магического реализма)
ISBN 978-5-17-107505-7
(Эксклюзив Милленниум)

Copyright © Neil Gaiman, 2013
© В. Нуриев, перевод на русский язык, 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Аманде,
которая хотела знать*

«Я живо помню свое детство... мне были ведомы страшные вещи. Но я знал — взрослые ни в коем случае не должны догадаться, что я знаю. Это бы их испугало».

Морис Сендак,
из разговора с Артом Шпигельманом.
«Нью-Йоркер», 27 сентября 1993 г.

0.

Это был всего-навсего пруд с утками позади фермы. Он был не очень большой.

Лэтти Хэмпсток говорила, это океан, но я знал, так не бывает. Она говорила, они приплыли сюда по океану со своей родины, из Древнего Края.

Ее мать говорила, что Лэтти уже не помнит, что дело это давнее, и в любом случае Древний Край ушел под воду.

Старая миссис Хэмпсток, бабушка Лэтти, говорила, что они обе не правы, что затонувший край не был таким уж древним. Она говорила, что еще помнит *по-настоящему* Древний Край.

Она говорила, *по-настоящему* Древний Край взлетел на воздух.

.....
ПРОЛОГ
.....

На мне был черный костюм и белая рубашка, черный галстук и начищенные до блеска черные туфли: вещи, в которых обычно мне неуютно, будто я украл чужую униформу или притворяюсь взрослым. Сегодня они придавали какую-то уверенность. Подходящие вещи для трудного дня.

Утром на службе я говорил то, что предписано, и слово реченное шло от сердца, а когда служба кончилась, я сел в машину и поехал наугад, не глядя на карту, оставалось свободное время — около часа, прежде чем снова придется говорить с людьми, которых не видел много лет, жать руки и пить нескончаемый чай из лучших фарфоровых чашек. Я ехал петляющими проселочными дорогами Сассекса, с трудом узнавая местность, пока не понял, что дорога ведет в центр города, тогда я свернул с нее, взял влево, потом вправо. Тут только до меня дошло, куда я ехал, ехал с са-

НИЛГЕЙМАН

ПРОЛОГ

мого начала, и я тряхнул головой, удивляясь собственной глупости.

Все это время я стремился к дому, который давно ушел из моей жизни.

Я ехал по тракту — когда-то он был проселком у ячменного поля — и думал развернуться, думал повернуть назад и не ворошить прошлое. Но мне стало интересно.

Старый дом — тот, где я жил семь лет, пока мне не исполнилось двенадцать, снесли, от него ничего не осталось. Новый дом — тот, что выстроили родители в дальнем углу сада, между кустами азалии и зеленым кругом в траве, который мы называли кольцом фей, продали тридцать лет назад.

Увидев новый дом, я сбавил скорость. Для меня он всегда будет новым. Я остановился на подъездной дорожке посмотреть, что случилось с постройкой 1970-х. Совсем забыл, что кирпичи были шоколадно-коричневыми. Из маминого балкона сделали двухуровневую застекленную террасу. Я глядел на дом, думая о своем отрочестве, и вопреки ожиданиям почти ничего не мог вспомнить: ни хорошего, ни плохого. Когда-то я жил в этом доме. Но, похоже, ко мне нынешнему он уже не имел отношения.

Я дал задний ход и вывел машину с дорожки.

ОКЕАН В КОНЦЕ ДОРОГИ

ПРОЛОГ

Я знал, надо ехать к сестре, в ее шумный, веселый дом, вычищенный по случаю и битком набитый людьми. Говорить с теми, о чем существовании я давно и думать забыл, они будут спрашивать о моем браке (развалился десять лет назад, отношения потихоньку изнашивались, пока, как это, верно, всегда и бывает, вконец не расстроились); о том, встречаюсь ли я с кем (не встречаюсь, и даже не уверен, что готов, еще нет); и о моей работе — об искусстве (спасибо, с ней все хорошо, стану отвечать я, так и не научившись говорить о том, чем занимаюсь. Если бы мог, не нужно было бы работать. Я занимаюсь искусством. Иногда настоящим, и оно заполняет бреши в моей жизни. Некоторые. Не все). Мы будем говорить об ушедших. Будем говорить о тех, кто умер.

Узкий проселок моего детства стал теперь дорогой из темного бетона, границей между двумя раскидистыми жилыми массивами. Я ехал по ней прочь из города, не туда, куда должен был ехать, но на душе было радостно.

Темный гляцевый тракт становился все уже, больше петлял, превращаясь в тот самый знакомый проселок из утоптанного грунта и гальки.

Скоро я уже ехал по тесной дорожке, двигаясь медленно, подпрыгивая на кочках, а по обеим сторонам, в прогалинах между кустами лещины и